

Э.Н. Мишкuroв, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть II: «предпонимание» — «понимание»)

«Проблема перевода, некогда воспринимаемая как вопрос филологической техники, приобретает ныне философский статус»

Н.С. Автономова

«Герменевтика наводит мосты между противоположными точками зрения»

Энтони Тисельтон

Во второй части комплексного исследования четырёхступенчатого «герменевтико-переводческого методологического стандарта», включающего «предпонимание», «понимание», «интерпретацию» и «переводческое решение», рассматриваются первые две стадии работы переводчика, обеспечивающие гармоничную трансдисциплинарную кооперацию различных социально-гуманитарных наук с теорией и практикой межъязыкового посредничества. Построение современной герменевтической парадигмы перевода как системообразующего синергетического конструкта теории и практики межъязыкового посредничества позволяет найти оптимальный подход к продуктивному синтезу многочисленных концепций, моделей и методологических проектов, накопленных современной транслатологией в нашей стране и за рубежом. «Герменевтический поворот» в философии и во всех нынешних успешно развивающихся социально-гуманитарных науках — одно из очевидных свидетельств в пользу развития переводоведения и его современных практических приложений в «герменевтическом русле» научно-методической мысли.

Ключевые слова: герменевтическая парадигма перевода; герменевтико-переводческий методологический стандарт (конструкт); предпонимание; понимание; интерпретация; переводческое решение; герменевтическая спираль.

Eduard N. Mishkurov, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

THE HERMENEUTICAL METHODOLOGICAL STANDARD OF TRANSLATION IN THE MIRROR OF TRANSDISCIPLINARITY (Part II: Pre-Understanding — Understanding)

In the second part of the complex study of the four-stage hermeneutic-translation methodological standard, which includes pre-understanding, understanding, interpreta-

tion, and translation solution, the first two stages of the translator's work are considered, ensuring a harmonious transdisciplinary cooperation of various social and human sciences with the theory and practice of interlingual mediation. The construction of a modern hermeneutic paradigm of translation as a system-forming synergetic construct of the theory and practice of inter-linguistic mediation allows us to find the optimal approach to the productive synthesis of numerous concepts, models and methodological projects accumulated by modern translatology both in Russia and abroad. The "hermeneutical turn" in philosophy and in all current successfully developing social and humanitarian sciences clearly testifies in favor of the development of translation studies and their modern practical applications in the "hermeneutic channel" of scientific and methodological thought.

Key words: hermeneutical paradigm of translation, hermeneutical methodological standard (construct), pre-understanding, understanding, interpretation, translation solution, hermeneutical spiral.

1. В ч. I настоящего исследования мы лапидарно обозначили некоторые аспекты подведения под «герменевтическую парадигму перевода (ГПП)» философского «герменевтического методологического стандарта (ГМС)», который ныне модернизирован в интересах теории и методологии перевода в виде «герменевтико-переводческого методологического стандарта (ГПМС)» [см.: Мишкуров, 2015: 33–35].

Как известно, в качестве оптимальной метатеории и унифицирующей методологии в западноевропейском переводоведении с 50-х годов XX в. успешно применяются модели/парадигмы «философско-переводческой герменевтики», во многом, тем не менее, базирующихся на принципах классической «филологической герменевтики» и практическом опыте перевода памятников античной культуры на язык современной культуры в духе лучших традиций эпохи Возрождения и в их последующих хронотопных модификациях.

В XX в. неоднократно предпринимались попытки системно обрисовать контуры переводческого процесса и обозначить его начальные, промежуточные и завершающие этапы, допуская при этом немотивированное сдвигание их границ, соединение и отождествление принципов их идентификации по целям, задачам и функциям в рамках искомой профессионально-феноменологической редукции. Так, П.М. Топер констатирует, что «каждый перевод – это интерпретация» [Топер, 1998: 182], а Н.С. Автономова фактически солидаризируется с формулой П. Рикёра, гласящей, что «понимать – это и значит переводить» [Автономова, 2010: 119–120].

Напомним, что разрабатываемый нами ГПМС представляет собой концептуально-методологическую и рефлексивно-процедурную базу, подводимую под ГПП, которая идентифицируется как эпистемо-синергетическая, креативно-концептуальная целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве

образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач. Иначе говоря, ГПМС выстраивается нами как герменевтико-методологический конструкт аутентичной трансдисциплинарной переводческой деятельности.

К общефилософскому постулату о сущности ГПП мы добавляем конкретно дефинированную трактовку ГПП как системно выстроенную по принципу функциональной дополнительной дискурсивную соборность философо-/филолого-герменевтических, лингвокультурологических, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приёмов перевода – перепорождения, перелагания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на уровнях контентно-смысловом, когнитивно-прагматическом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультуремном, поэтико-аллегорическом, системно-структурном, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров¹.

В условиях всё нарастающего «переводческого инакомыслия» время от времени возникает потребность в порождении синтезирующе-синергетических парадигм на базе накопленного за определённый период развития науки знания в трансдисциплинарном, кооперативно-упорядочивающем плане как залог дальнейших успехов в диалектико-методологическом и структурном развитии теории и практики перевода. Как тонко подметил Ж.-Р. Ладмирал, “Au lieu d’être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion” [Ladmiral, 2012: 21], т.е. будучи «дисциплиной знания», современное переводоведение приобретает статус «дисциплины рефлексии». В данном контексте становится вполне очевидной контрпродуктивность тезиса И.А. Зимней, гласящего, что «Перевод рассматривается как речевая, а не мыслительная деятельность... потому, что эта деятельность выполняет не когнитивную,

¹ Заметим, что само словосочетание «**герменевтическая парадигма**» исторически устойчиво реализуется в контекстах различных социально-гуманитарных наук, а также в переводоведении. Так, в *богословии* находим выражение «либеральная/консервативная герменевтическая парадигма» [см.: Арапов, 2017: 2], “The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology” [см.: Хюн-Сук Ким, 2017: 1]; в *юриспруденции* – «Герменевтика как парадигма/Герменевтическая парадигма» [см.: Яркова, 2012, с. 3, 106]; наконец, в *переводоведении* – «Перевод в герменевтической парадигме» [см.: Самохина, 2012, с. 1], “Translation Hermeneutics. Hermeneutics as a Research Paradigm” [см.: Cercel, 2017: 17] и т.п. К сожалению, ряд учёных многозначительно оснащают заголовки своих работ «модными терминами», забывая даже упомянуть последние в тексте своих «штудий». Так, к примеру, А.Н. Усачёва § 5 в главе 2 озаглавила, как «Когнитивная парадигма перевода». При этом «парадигма» как термин в тексте больше не упоминается [Подготовка переводчика, 2014: 51–56].

познавательную, а только коммуникативную функцию» [Зимняя, 2001: 132].

Согласно Хайдеггеру, «язык есть дом бытия», обеспечивающий повседневную человеческую деятельность «здесь и сейчас». А перевод есть неотъемлемая архиважная культурно-наследственная лингвопосредническая часть бытия *Homo loquens* (человека говорящего) и *Homo ludens* (человека играющего) не только в хронотопе «здесь и сейчас», но и «там и тогда», т.е. «везде и всегда», «где и когда» межплеменная, межэтническая бытовая и межкультурная коммуникация стала насущной потребностью людей. Воистину “*Tantum scimus – quantum traducimus!* (лат. «Столько знаем – сколько переводим!»)”.

Перевод – это вечный проблемный «герменевтический круг» когнитивно-коммуникативной, лингвокультурологической и лингвопрагматической деятельности мировых сообществ, превращающийся со временем в «герменевтическую спираль» из-за асимметричной системно-структурной и лингвокультуремной несовместимости большинства языков на земном шаре.

В настоящей статье представлены дефиниции и описания стадий «предпонимание» и «понимание» как двух инициальных процедур текстоосмысления оригинала, подготавливающих герменевтико-феноменологическую редукцию ИТ на базисных уровнях «интерпретации» и «переводческого решения», которые завершают продуктивную работу переводчика по порождению текста на ПЯ, отчуждаемого рецепиенту.

Очевидно, что экспликация и дефинирование вышеназванных уровней ГПМС, фундированных соответствующим трансдисциплинарным инвентарём, сущностно и предметно отражают собственно переводческую проблематику, которая существенно отличается от общефилософской и герменевтико-феноменологической, но приемлет её базисно-рефлексивные параметры, свойства и признаки.

2.1. Предпонимание – аксиологически архиважное философско-методологическое понятие. В обычном, обыденном смысле слова, – пишет Е.Н. Шульга, – оно «ассоциируется нами с тем, что предшествует ясности понимания чего бы то ни было: текста, слова, отдельной формы, реплики, жеста, знака, наконец, подтекста, кроющегося в этих знаках, жестах или фразах» [Шульга, 2004: 1]. Автор выражает сожаление, что «эта тема практически не обсуждается в отечественной философской литературе» и что «о предпонимании упоминают лишь в тех редких случаях, когда проявляется необходимость выявить и обосновать методику получения смысла при истолковании и интерпретации текста». Кроме того, добавляет Е.Н. Шульга, «философская герменевтика использует понятие

“предпонимание” также и в более широком контексте, для обоснования **методологии понимания**» [там же: 3, 9].

В этой связи отметим, что В.Г. Кузнецов вполне логично включил данное понятие в свой «герменевтический методологический стандарт». Характеризуя ГМС с разных точек зрения, автор, в частности, отмечает: «Ещё одним свойством ГМС является разделение областей специфически знакового содержания (объективный смысл текста) и психологических моментов, оправдывающих принцип *лучшего понимания*». И далее: «Вещественные компоненты текста мы воспринимаем, идеальную сторону текста понимаем», а потому «учёт внелингвистических факторов, мотивационных установок, бессознательных моментов, социокультурных факторов при реконструкции субъективных условий, в которых складывается объективный смысл текста, является необходимым моментом гуманитарного познания и специфицирует структуру *предпонимания* (везде курсив наш. — Э.М.)» [Кузнецов, 2007: 110–111].

Очевидно, что в практике перевода учёт *предлингвистических факторов предпонимания* также должен иметь место, ибо трансдисциплинарность подхода к этой сфере когнитивной деятельности несомненное имеет первичную точку отсчёта именно в языковой междисциплинарности предмета исследования.

В одной из недавних искомым работ читаем: «*Внеязыковый* (правильно “внеязыковой”. — Э.М.) *контекст* (“фон текста”) предполагает готовность переводчика заглянуть за границы содержания текста и учесть внелингвистические (социокультурные, религиозные, нравственные и прочие) факторы, непосредственно относящиеся к пониманию смысла текста. Речь идёт о так называемых “фоновых знаниях”: мотивационных установках, архетипах (коллективных бессознательных представлений), аксиологических аспектах (увлечений, среды обитания, материальных условий жизни), непосредственно влияющих на формирование объективного смысла текста и субъективные намерения, внутренний мир автора» [Бузук, 2016: 5].

Собственно «лингвистический фактор» стал исходно определяющим в известном учебном пособии М.П. Брандес и В.И. Проваторова «Предпереводческий анализ текста». Авторы подчёркивают: «Когда переводчик приступает к переводу, он через язык текста должен выяснить для себя глобальные вещи — в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле этот текст существует. Специфику языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста определяет не фактуальное содержание, а речевой жанр и функциональный стиль, которые изнутри пронизывают фактуальное содержание. Большая переводческая трудность —

проникнуть в это “нутро”, которое определяет внутреннюю и внешнюю форму текста <...> Общие принципы предпереводческого анализа позволяют сделать текст в смысле его структуры и языка обозримым, очерчивают контуры коммуникативной, т.е. смысловой организации текста, помогают усвоить, что главная трудность перевода – передача смысла во всем его объёме. Смысл – это не нечто аморфное, а более или менее строго организованная сущность. И адекватность перевода связана с раскрытием структуры и элементов этой сущности, иными словами, смысла как системы. Именно эта система определяет языковой стиль текста, т.е. выбор и комбинирование языковых единиц» [Брандес, Проваторов, 2003: 3, 5]. Далее авторы описывают переводческий процесс как «информационное поле функциональных стилей», которые трактуются как «системы косвенной (скрытой) коммуникации. Они лишь предполагают своих подразумеваемых коммуникантов, в отличие от прямой коммуникации в жанровой системе произведения <...> Функциональный стиль может представлять собой *гомогенную информационную среду*», где специфика данного стиля проявляется в наиболее чистом виде, или *гибридную*, где происходит смешение разных функциональных стилей. Например, жанр художественного эссе существует в гибридной научно-художественно-публицистической функциональной среде [там же: 16].

Важно подчеркнуть, что предпереводческий анализ в традиционной трактовке освещался на разных этапах развития теории и методологии перевода в зависимости от ракурсно-феноменологических наклонностей и предпочтений автора. Так, И.С. Алексеева своё толкование сути предпереводческого анализа представляет следующим образом: «задача анализа – выяснить, что за текст перед нами <...> чего требуют от переводчика заказчик и чего ожидает реципиент от текста перевода». Соответственно автор обозначает основные аспекты анализа, как-то: 1) сбор внешних сведений о тексте, 2) определение источника и реципиента, 3) состав информации и её плотность <...> в том числе информация когнитивная, оперативная, эмоциональная и эстетическая. Затем формулируется «коммуникативное задание» на перевод и определяется «речевой жанр» текста [Алексеева, 2004: 325–329].

Хронологически и контекстуально, несколько модифицировав свою прежнюю модель предпереводческого анализа, И.С. Алексеева в своей последующей монографии «Текст и перевод» представляет её более объёмно.

По автору, предпереводческий анализ необходим для выявления специфики ИТ, опираясь на «транслатологическую классифи-

кацию текстов». В цитируемой работе обозначены уже известные из предыдущих работ три стадии предпереводческого анализа текста:

1) сбор *экстралингвотекстуальных сведений* об авторе текста, его идиостиле; времени создания и публикации текста, знакомство с «глобальным текстом» (к примеру, журнала в целом, из которого взят искомый текст); определение типа ИТ и т.д., т.е. «параметров, значимых для его перевода»;

2) *определение источника, реципиента и цели перевода*: т.е. идентификация коммуниканта-источника текста, коммуниканта-реципиента, а также выявление цели «создания переводной версии» и др.;

3) *выявление состава информации и её плотности* в анализируемом тексте: когнитивной, оперативной, эмоциональной и эстетической; при этом «значимыми показателями» являются «степени нормативности текста, наличие канцелярских оборотов речи, наличие терминов, степень абстрактности речевых средств, специфика образности, архитектура текста и т.п.;

4) *создание формулы коммуникативного задания*: сообщение объективных сведений на специальную лингвистическую тему; при этом «наиболее частотным в переводческой деятельности является <...> совпадение коммуникативного задания ИТ по всем своим составляющим с коммуникативным заданием ПТ». В этом и проявляется собственно перевод [Алексеева, 2008: 149–152]².

Детализацию различных аспектов предпереводческого анализа находим в ряде последующих работ. В частности, К. Норд, на которую И.С. Алексеева также ссылается [там же: 148 и др.], выделяет две категории предпереводческих аналитических задач – *экстралингвистических* (касающихся личности автора текста и его интенций, реципиента текста, а также способа передачи сообщения, места и времени создания текста, повод и коммуникативная цель создания текста), а также *лингвистических факторов* (тема, содержание, структура текста, его синтаксические особенности и лексический состав, а также особенности соотношения вербальных и невербальных элементов текста, тональность и практическое воздействие текста) [см. Nord, 2005; Крапивкина, 2014: 5].

Идеи предпереводческого анализа М.П. Брандес и В.И. Проваторова, а также К. Норд, Е. Таревой, Р. Айуловой и др. находят свою теоретико-прагматическую поддержку в конкретных переводах разножанровых текстов. Так, в своей статье “Interpretation of

² Для корректной ориентации в методологии переводческого процесса мы оговоримся, что И.С. Алексеева выстраивает свою *макростратегию перевода* в виде трёх этапов, где этап I – это «предпереводческий анализ текста», этап II – это «аналитический вариативный поиск» и этап III – это «анализ результатов перевода» [Алексеева, 2008: 149, 152–153].

fantasy as a pre-translation activity” («Интерпретация фэнтези как предпереводческая деятельность») К.О. Согилян и А.А. Шахбазян, анализируя, в частности, вопрос о переводе имён собственных у героев в серии романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», однозначно констатируют: “Whatever the translator decides, it is beyond doubt that the pre-translation interpretation should be the first activity the translator undertakes” (Каково бы не было решение переводчика, вне всякого сомнения *предпереводческая интерпретация* текста (лучше – предпереводческий анализ. – Э.М.) должна быть первым действием, предпринимаемым переводчиком» [Согилян, Шахбазян, 2016: 501].

Конкретизируем ряд важных положений предпереводческого анализа следующими постулатами. Необходимо: а) идентифицировать степень сходств и различий «концептуальных языков» искомой рабочей пары идиомов в синхронно-диахроническом плане по трёхуровневой классификации Ю. Найды, предусматривающей различные степени близости языков в генеалогическом и культурологическом отношении с точки зрения затруднений – структурных и динамических – в «эквивалентном переводе» [Найда, 1978: 120–121]; б) выяснить дискурсивную переводческую историю ИТ – «нулевую/поливариативную»; в) согласовать «социальный заказ» на способы, форму и характер перевода.

2.2. Современное трансдисциплинарное истолкование термина понятия «предпереводческий анализ текста» предполагает дальнейшее возможное расширение его понятийных границ за счёт введения в его рабочую структуру новых предпереводческих данных, т.е. дополнительных компонентов анализа.

В этой связи заметим, что предложение В.В. Сдобникова «заменить терминосочетание ‘(пред) переводческий анализ текста’ на терминосочетание ‘(пред) предпереводческий анализ ситуации’», даже если главным предметом исследования автора является стратегическое описание ‘коммуникативной ситуации’ в переводческом акте [Сдобников, 2015: 461], представляется контрпродуктивным. Наличие обобщающего герменевтико-феноменологического термина-понятия ‘предпонимания’ примиряет, по нашему мнению, самые различные подходы по усилению объяснительной силы используемого в современном переводеведении искомого термина ‘предпереводческий анализ’».

Как видим, даже на исходном понятийно-терминологическом уровне экспликации перипетий переводческого процесса очевидна философско-герменевтическая неустранимость оптимально ёмкой терминоединицы, которая верифицируется нам как «предпонимание (pre-understanding)».

В наше время в более расширенном понятийно-концептуальном наполнении данного термина эту идею подхватывают преподаватели-специалисты в области методологии и дидактики перевода и приходят к выводу, что «студенты должны осознать, что в основе понимания лежит так называемое «предпонимание» как «оглядка на традицию, на коллективный или собственный опыт, на память, которое во многом зависит от уровня образования, общего кругозора»... Предпонимание необходимо переводчику как для полного проникновения в суть высказывания, так и для того, чтобы восполнить расхождения в фоновых знаниях автора текста и получателя перевода...» [Гудухина, 2016: 2].

В целом нам импонирует интегрированный подход к переводческой деятельности, представленный Н.Н. Гавриленко в его монографии «Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации». По освещаемой в данном разделе проблеме автор замечает: «Прежде чем приступить к рассмотрению собственно понимания в деятельности переводчика, следует уделить внимание тому факту, что понимание специального текста невозможно без наличия какого-либо «исходного», «первичного» знания, на основании которого и осуществляется указанный процесс, т.е. понимание требует предпонимания / предзнания / предпосылочной базы. Предпонимание научного текста исследователи связывают прежде всего с общим объёмом экспертных знаний реципиента / адресата текста, так как эти знания обеспечат последнему адекватное понимание содержания научного текста. В деятельности переводчика текстов по специальности такой предпосылочной базой будут являться знания и умения, составляющие его профессиональную компетентность, в первую очередь, предметные знания в определённой профессиональной сфере общения, полученные в процессе обучения основной специальности. К предпосылочной базе переводчика следует также отнести экстралингвистические знания, знания о социокультурном, историческом, ситуативном контексте высказывания, знания характеристик автора ИТ и получателя ПТ, специфики логико-смысловой организации текста по специальности, а также предшествующий опыт переводчика. Информация о получателе текста, о предыстории рассматриваемого вопроса может быть получена переводчиком в беседе с работодателем, до начала осуществления перевода, из ранних публикаций автора и т.д.» [Гавриленко, 2009: 46].

Концептуально близка нам методологическая модель З.Д. Львовской, которая в частности пишет: «Процесс перевода, равно как любая другая деятельность, имеет свою структуру, иными словами, предполагает определённые последовательные шаги субъекта дея-

тельности, каждому из которых соответствует специфическая функция, которая зависит от предыдущих шагов. Как правило, выделяются две главные фазы: интерпретация ИТ и порождение ПТ <...> Мы отдаём себе отчёт в том, что очень детальная структуризация деятельности переводчика, рассмотренная под углом зрения профессионала, представляется немного искусственной, однако это оправдано в методическом отношении» [Львовская, 2008: 175].

Заметим только, что структурно невыделенная ею стадия «предпонимания» в переводческом процессе в общих чертах улавливается в понятии «подготовительная работа» в различных её аспектах.

Значимость этого этапа в работе переводчика в герменевтическом переводе носит аксиоматический характер: «Термин “предпонимание” непривычен для русского слуха <...> это буквальный перевод выражения *Vorverständnis*, распространившегося в немецкой научной мысли со времён Шлейермахера, «...смысл *предпонимания* как раз и заключается в желании подчеркнуть, что оно предлагает лишь *первоначальный, переходный* этап к дальнейшему более точному пониманию. С самого начала оно *предполагает возможность внесения исправлений и изменений*. Речь идёт о формулировке исходного предположения с целью дать толчок процессу, направленному на более глубокое проникновение в суть вопроса» [Тисельтон, 2011: 19].

Добавим следующее: «Предпонимание», которое Шлейермахер называл «минимальным предзнанием» о предмете исследования, крайне важно для трактовки принципа «герменевтического круга», так как «и на уровне языка (среды рассуждения) и на уровне предмета (материала рассуждения) необходимо наличие некоторой меры знания о том, что мы собираемся обсуждать <...> Благодаря этому первичному знанию осуществляется «прыжок в герменевтический круг» [Шульга, 1985: 147].

Подытожим всё вышесказанное: *предпонимание* – это расширенный трансдисциплинарный анализ ИТ с целью перехода к более развёрнутой части переводческого процесса – к стадии *понимания* ИТ. С помощью предпонимания устанавливаются оптимальные «горизонты понимания», т.е. степень осмысления глубин и границ проникновения в ИТ.

3.1. **Понимание**, предпосланное *предпониманием*, формирует базис всякой человеческой коммуникации, в том числе и межкультурного языкового посредничества. Это одна из важнейших подготовительных стадий переводческого процесса, способствующая осмыслению и перевыражению ИТ в ПТ.

Понимание – это преодоление «чуждости» ИТ, уяснение и усвоение его смысла, расшифровка недосказанных и невыраженных

скрытых интенций автора, вживание в суть его «языковых игр», осмысление лингвопоэтических структур контекста, подтекста и затекста, представление пропозиционной аксиологической характеристики авторского дискурса по критерию достоверности, истинности/неистинности, смыслов, его нормированности и измерения по шкале «форенизации/доместикации». «Переводчик, по Гадамеру, переводит не только на другой язык, но и приравнивает текст к особенностям иной культуры, переносит подлежащий пониманию смысл в тот контекст, в котором живёт данный участник беседы...» [Гадамер, 1988: 447].

Известно, что современная теория понимания является прежде всего методологической основой философской герменевтики, а потом уже она охватила ряд смежных социально-гуманитарных наук, к числу которых мы относим также науку о переводе. Шлейермахер ещё в 1819 г. констатировал, что «герменевтика – это искусство понимания, и потому носит философский характер». Оно трактуется как «универсальная операция мышления, представляющая собой оценку объекта (текста, поведения, явления природы) на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа и т.п. Понимание предполагает усвоение нового содержания и включения его в систему устоявшихся идей и представлений» [Философия. Энциклопедический словарь, 2006: 663].

Однако любые инодисциплинарные термины-понятия требуют неслучайной «притирки» к системе аксиологических констант любой «стыковой» научной дисциплины и исключают их механический перенос в понятийный ряд последней. Очевидно, что такая специфическая «билингвальная наука», как переводоведение с её особой герменевтико-феноменологической окраской требует несколько иного подхода к трактовке транслатологического методологического стандарта переводческой рефлексии как по форме, так и по содержанию.

Когда ряд философов автоматически включили перевод в предметную сферу своих научных интересов, стало вполне очевидно, что не всё их «филологическое наследие» может быть безоглядно принято в современную теорию и методологию перевода.

Философы, работающие обычно с фактами одноязычного континуума, ставят *понимание* в прямую зависимость от субъективной *интерпретации текстов*, отождествляя оба типа рефлексии по формуле «понимание – это и есть интерпретация». Естественно, что разные по содержанию и процедуре герменевтико-феноменологические мыслительные акты уже произвольно воспринимаются как единорефлексивные сущности и фигурируют в соответствующих контекстах целокупно, ср.: «Типичными видами научно-теорети-

ческого «понимания» являются: понимание прошедших эпох (историческое понимание); интерпретация инокультурных символов и метафор, перевод и истолкование древних текстов (филологическое понимание); понимание иных форм жизни, культурных норм и ценностей (понимание в социально-антропологических исследованиях). Отсюда очевиден непререкаемый вывод для специалистов, работающих с мооязыковыми текстами в различных социально-гуманитарных науках, смежных с одноязычной философско-герменевтической трактовкой соответствующих текстов: «интерпретация – основа понимания текста» и «понимание есть творческий результат процесса интерпретации». Утверждается, что «герменевтика стремится к духовной интерпретации текста. Этот завершающий этап герменевтического анализа, который, раскрывая смысл и значение текстов в культуре, служит развитию духовности в человеке, становлению его как личности, как субъекта культуры» [Борев, 2002: 448].

Ранее мы уже давали критическую оценку некоторым спорным суждениям Хайдеггера и Гадамера о сущности и возможностях перевода [Мишкур, 2013: 6–10]. Здесь же сошлёмся на мнение профессионального лингвиста-философа и системного переводчика трудов видных французских философов современности Н.С. Автономовой о переводческих аспектах работ Гадамера: «...для Гадамера “говорить на разных языках” – это не побуждение к переводу и не формулировка самой проблемности перевода как пути к пониманию, но скорее метафора человеческого непонимания как такового. Фактически мысль строится так: если нужен перевод, значит, понимание заведомо невозможно, иначе говоря, перевод и понимание друг друга исключают. Ведь перевод для него – нечто искусственное, нежизненное и совершенно ненужное – особенно с того момента, когда мы входим в область родного языка, смыслы которого нам даны изначально. А потому ситуация “разговора на одном языке” абсолютно преобладает в его рассуждениях: герменевтический процесс в принципе всегда идёт на одном языке. Таким образом, схема герменевтического понимания строится у Гадамера, по сути, вне перевода и без перевода: он для неё лишний» [Автономова, 2008: 640–644].

Учёный излишне упрощает и несколько искусственно «подгоняет» переводческий процесс, автоматически соединяя акт истолкования оригинала с актом собственно переводческого переложения/перевыражения его на иностранный язык, ср.: «...всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер, 1988: 447–449]. Если для одноязычных видов творческой деятельности аналитиче-

ский процесс работы с текстом по этой двухступенчатой фазе завершается, то для переводческого процесса работа с текстом на стадии «понимания – интерпретации» не завершается. Поэтому мы отдаём предпочтение в трактовке текста формуле В. Айрапетяна, гласящей что «Понимание – ещё не толкование», «Перевод – ещё не толкование» [Айрапетян, 2011: 132].

В трудах различных философов, а также специалистов, работающих в области различных социально-гуманитарных наук, мы отмечаем постоянное смешение последовательности этапов «понимания» и «интерпретации» – первое ставится в зависимости от второй.

Показательно, что даже в такой обстоятельной работе И.А. Щириной и Е.А. Гончаровой «Многомерность текста: понимание и интерпретация», написанной на высоком современном философско-методологическом, лингвофилологическом и лингводидактическом уровнях, отмечаем непоследовательность и невыраженность авторской трактовки в толковании диады искомых понятий. Так, корректно утверждая, «что понимание *предваряет и программирует интерпретацию* (курсив наш. – Э.М.)» в одном месте, в других авторы некритически приводят соответствующие высказывания с иным толкованием соотношения первого и второго терминов, ср.: «Поль Рикер называет понимание искусством постижения значения знаков, которые одно сознание передаёт другому, а интерпретацию – толкованием знаков и текстов, зафиксированных в письменном виде. Эта точка зрения коррелирует (?) с мнением И.В. Арнольд об интерпретации как о вербализованном понимании» [Щирова, Гончарова, 2007: 267]. Не оспаривается и не оговаривается тезис В.С. Филиппова о том, что «инвариантная интерпретация» – это по сути есть «установившийся в обществе стандарт понимания текста» [там же: 292], что в принципе характерно для подхода философов, литературоведов и лингвистов к анализу одноязычных текстов, не подвергающихся исследованию с целью их перевода на иной язык.

Неосознанно и недифференцировано, смешивая все рефлексивные процедуры, Ю. Борев пишет: «Герменевтика (теория интерпретации и понимания смысла) <...> составляет неотъемлемую часть развёрнутой философской системы <...> Предпонимание обуславливает понимание <...> Высшая категория процесса понимания – целостность <...> Целостность восприятия важна для понимания художественного текста <...> Понять – значит усвоить смысл и пережить то духовное состояние, которое испытал автор текста в процессе творческого акта». И наконец: «Интерпретация – основа понимания текста» [Борев, 2002: 447–450].

И не замечая противоречия, автор приводит цитату Бахтина, которая недвусмысленно разводит понятия «понимание» и «интерпретация»: «Бахтин видит в процессе понимания четыре момента: 1) психофизиологическое восприятие знака; 2) его узнавание; 3) понимание значения знака в определённом контексте; 4) активное диалогическое понимание» [там же: 448].

Переводчику важно уяснить для себя логику когнитивно-креативной рефлексии переводческого процесса: на стадии «понимания» переводчик отвечает себе на вопрос «что?», т.е. выясняет контентно-смысловое наполнение ИТ, а на стадии «интерпретации» отвечает на вопрос «как?», т.е. определяет, как он будет передавать контентно-смысловые составляющие ИТ на ПЯ.

Понимание в переводе рассматривается как феномен вживания в чужую «авторскую» мыслительную деятельность, как ориентация в созданной автором ИТ коммуникативной ситуации, придающая последней оптимальную «понятность» и «истолкованность». Однако, повторяем ещё раз, «понимание — ещё не означает истолкование», а герменевтика нужна прежде всего там, где существует «непонимание».

3.2. Известно, что понимание базируется, в частности, на онтологически значимых психических рефлексивных процессах интроспекции, интуиции, “вживания”, в частности, в образы художественных текстов, в контекст произведения. Ещё А.А. Потебня подчёркивал, что «понимание всегда предполагает выход в некоторый контекст <...> и есть повторение процесса творчества в изменённом порядке» [Потебня, 1905: 151].

Глубокий смысл данного высказывания учёного можно актуализировать постулатом В.В. Налимова, который экспериментально доказал, что: «понимание — это приближение понимаемого текста к самому себе путём порождения фильтра понимания, приближающего текст, чужую смысловую ориентацию к своей собственной» [Налимов, 1989: 76].

Для полноты восприятия феномена «понимание» добавим к вышесказанному четыре его разновидности согласно классификации Э. Шпрангера (1882–1963): «идеофизическое (т.е. «материальное». — Э.М.)», «субъективное», «объективное» и «историческое» [см.: Философский энциклопед. словарь, 1997: 354]. А тем самым по сути даётся междисциплинарное толкование данного конструкта.

Обратимся к истории вопроса о соотношении феноменов «понимания» и «непонимания» и их хронотопной «разборки» учёными разных поколений. Общеизвестный афоризм В. Гумбольдта «Всякое

понимание есть непонимание» как пример парадоксальной антиномии толкуется в литературе вопроса неоднозначно.

Так, А.А. Потебня объяснял это мнимое противоречие концепцией Гумбольдта о «существовании в языке противоречия речи и понимания»: «Как речь, так и понимание не были бы возможны, сообщение посредством слова не было бы только взаимным возбуждением говорящего и слушающего, членораздельный звук не настраивал бы их гармонически и слушающий не овладевал бы смыслом речи посредством самодеятельного, в нем самом происходящего развития мысли, если бы различие отдельных лиц не было только проявлением единства человеческой природы» [Потебня, 2017: 9].

Тернист путь гениев! Если Гумбольдта не понимали современники, то в 70-е годы XX в. Потебню резко критиковали в нашей стране за идеализм в суждении «о пределах толкования содержания художественного творчества», обусловленный «ошибочностью одного из исходных положений, восходящего к концепции В. Гумбольдта, считавшего, что «всякое понимание есть непонимание». А Потебня соответственно «отрицал возможность одинаковых мыслей по поводу одного и того же явления» [Тенянка, 1976: 12].

А уже через 10 лет Р.А. Будагов будет защищать позицию Потебни, но уже с других позиций, не увязывая его теорию с концепцией Гумбольдта: «Стремясь глубже осмыслить взаимодействие между языком и мышлением (у Потебни в подобных случаях обычно говорится о языке и мысли), учёный был склонен рассматривать подобное взаимодействие в субъективно-идеалистическом плане. Для Потебни язык — это прежде всего акт индивидуального творчества. «Язык есть средство понимать самого себя <...> Понимание потому и оказывается одновременно непониманием, что выступает как «акт творчества». Индивидуальный же «акт творчества» не может быть абсолютно одинаковым даже у двух людей <...> Язык без выражения мысли (или чувства), как и слово без значения, оказывались у Потебни невозможными, никому не нужными» [Будагов, 1986: 6].

В наше время эта борьба идей трактуется А.Т. Кривоносовым следующим образом: «Понимание идентичное, один к одному с говорящим есть иллюзия, будто мы видим или слышим, т.е. осязаем нашим чувственным мышлением те же предметы, свойства, что и говорящий. Но мы воспринимаем только свои впечатления от звуков и то, что за ними скрывается. А эти впечатления у всех разные. Это происходит потому, что абстрактные формы мысли неизбежно переходят в чувственное созерцание, а оно у разных людей разное <...> Если В. Гумбольдт пишет, что “всякое понимание есть непо-

нимание”, т.е. понять другого якобы невозможно, то это его афоризм. На самом же деле: то, что мы называем пониманием, есть акт говорения и слушания особого рода, возникновение мысли в нас самих по поводу мыслей, высказанных другим человеком». Автор солидаризируется с мнением А.А. Потебни: «Когда я говорю, а меня понимают, то я не “перекладываю” целиком мысли из моей головы в другую <...> При понимании мысль говорящего не передаётся, но слушающий, понимая, создаёт свою мысль... поэтому понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство, аналогичность между ними, объясняемое сходством других сторон человеческой природы». Далее автор пишет: «Понимание выходит далеко за пределы лингвистики <...> Понимание — это переход кода языка к внутреннему коду интеллекта, где в качестве единиц содержания выступают не слова как единицы семантической структуры предложения, а **понятия** <...> Понимание есть упрощение мысли, переложение её, если можно так выразиться, на другой язык». Касаясь области перевода, А.Т. Кривоносов замечает: «Процесс понимания связан, естественно, с процессом перевода с одного языка на другой: без понимания того, что переводить, нет перевода, иначе в лучшем случае мы делаем лишь подстрочный, а не художественный перевод» [Кривоносов, 2017: 167–172].

Очевидно, что в данном контексте проясняется один важный переводческий феномен-казус — плюральность переводов произведения одного и того же автора, выполненных разными переводчиками.

3.3. Вернёмся к анализу Н.С. Автономовой переводческих взглядов выдающихся философов современности — П. Рикёра и Х.-Г. Гадамера в контекст соотнесения процессов «понимания» и «интерпретации» в переводе и роли последнего в мировой культуре и науке.

Разделяя позицию П. Рикёра в том отношении, что он «ясно видит и герменевтический, и общефилософский смысл проблемы перевода», цитируя его тезис о том, что «понимать — это и значит переводить», Н.С. Автономова упрекает Гадамера, который, по её мнению, «говоря о переводе... ни в коей мере не тематизирует и, тем более, не проблематизирует собственно ситуацию многоязычия и разноязычия», но не опровергает высказывание последнего о том, что «всякий перевод уже является *истолкованием*; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Автономова, 2010: 119–120].). Вместе с тем вполне очевидно, что для неё самой не столь важна эта антиномия. Главное — донести до читателя собственную трактовку проблемы «интерпретация и перевод». Автор, в частности, отмечает, что «в наши дни нередко го-

ворят: оригинал – это фантом, призрак. Однако, это множество трансмиссий и рецепций <...> не только не отменяет, но, напротив, обостряет вопрос о подлиннике, о способах его интерпретации и преобразования в процессах переистолкования». Автономова продолжает: «Я ставлю перевод во главу угла и рассматриваю интерпретацию, с одной стороны, и диалог, с другой, как то, что зависит от перевода как фундамента и условия возможности познания в гуманитарной области в целом (не только в дисциплинах филологического цикла) <...> Конкретно анализируя работу перевода, мы видим, что понимание и интерпретация, например, неизбежно вступают в действие при обсуждении переводческих эквивалентов и их выборе, при сопоставлении существующих вариантов, при анализе тех “остатков”, которые не входят в данный перевод. Во всех этих случаях интерпретация и различные её механизмы играют свою роль по полной программе» [там же: 114–121].

В данном контексте весьма уместно вспомнить апорию – парадоксальную ситуацию контакта взаимодействующих языков, выраженную Н.В. Ивановым следующим образом: «В ситуации контакта языки не сотрудничают, а борются друг с другом за пространство понимания <...> Понимание в условиях контакта – функция принимающей стороны. Критерием понимания является принимающий язык (культура, текст)», тогда как «Критерием понимания в переводе (курсив наш. – Э.М.) выступает не принимающая, а передающая система – ИЯ, исходный текст» [Иванов, 2015: 45, 47–48].

Таким образом, констатируем, что социопонимание развивается в процессе *общения* людей, во взаимодействии различных культур. Исходные виды «понимания» – освоение языка, «понимание» других людей (в сопереживании, диалоге), «понимание» социальных норм, знаков, символов – складываются в непосредственном жизненном процессе. В переводоведении «понимание» предполагает использование специальных методологических правил осмысления текста ИТ и готовит базу для иноязычной интерпретации. Развитие «понимания» происходит от «предварительного понимания», задающего смысл предмета «понимания» как целого, к анализу его частей и достижению более глубокого и полного «понимания», в котором смысл целого подтверждается смыслом частей, а смысл частей – смыслом целого.

Очевидно, что речь идёт об одной из трудноразрешимых проблем теории понимания – проблеме *герменевтического круга*. В разных школах герменевтики сложились разные его концепции. Ныне самое распространённое представление о герменевтическом круге следующее: целое нельзя понять, не понимая его частей, понимание части предполагает, что целое уже понято.

В. Дильтей, толкуя «герменевтический круг» в традиции Шлейермахера, писал: «Целое должно быть понятно в терминах его индивидуальных частей, индивидуальные части в терминах целого. Для того чтобы понять произведение, мы должны обратиться к автору и родственной ему литературе. Такая сравнительная процедура позволяет понять действительно каждое индивидуальное предложение более глубоко, чем прежде. Поэтому понимание целого и его индивидуальных частей является взаимосвязанным». При этом он сделал важное для переводческой практики добавление, гласящее, что «понимание текста как «проявление жизни» творческого индивида возможно при условии понимания духовного мира соответствующей эпохи, что, в свою очередь, предполагает понимание оставленных этой эпохой «жизнепроявлений» [см.: *Философия. Энциклопедический словарь*, 2006: 177; Diltey, 1976: 262].

Подводя итог, вслед за Е.Н. Шульгой, замкнём во взаимосвязи первые две части переводческой рефлексии: «Как на уровне языка (среды рассуждения), так и на уровне предмета (материала рассуждения) необходимо наличие некоторой меры знания о том, что мы собираемся обсуждать. Наличие этого знания Шлейермахер называет «минимальным предзнанием» или «предпониманием». Именно благодаря ему осуществляется «прыжок в герменевтический круг» и тем самым происходит разрешение имеющегося противоречия» [Шульга, 1985: 147].

Соединение герменевтики с диалектическими методами познания привело к переинтерпретации понятия «герменевтический круг» в терминах «герменевтической спирали», в которой «происходит расширение каждого предшествующего круга в последующий, так что первый из них «не успевает» замкнуться и его разрешение состоит именно в переходе в следующий, более широкий круг» [см. там же: 155].

Ведущие герменевты современности явно отдают предпочтение термину **«герменевтическая спираль»**. Так, Э. Тиссельтон обращает внимание читателя на диалектичность самих понятий «понимание», «спираль», «истолкование» и др.: «Шлейермахер, как и впоследствии Дильтей, Хайдеггер и Гадамер, признавал как ограничения, так и возможности роста в пределах герменевтического круга. Здесь вновь уместно вспомнить о Гранте Осборне³ и его герменевтической спирали. Понимание всегда начинается с предварительной стадии <...> по определению понимание не бывает полным и

³ Речь идёт о знаменитой книге Г. Осборна «Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование», в которой он, в частности, пишет: «Герменевтика — это, по существу, спираль от текста к контексту, от начального смысла текста к их значимости для современной церкви» [Осборн, 2009: 7].

совершенным. Оно всегда условно, неполно и нуждается в исправлении. Витгенштейн в своих поздних работах говорил, что у понимания нет чётких границ. Как отмечал Шлейермахер, полное понимание невозможно, поскольку “для этого нам было бы необходимо совершенное знание языка”, а также “человека, написавшего текст... ни то, ни другое невозможно”» [Тиссельтон, 2011: 174–175].

Учитывая поступательный, прерывистый, психолингвистический и герменевтико-переводческий характер рефлексии, мы склонны согласиться с мнением М.Г. Новиковой о том, что «понимание трактуется как совпадение или приближение закладываемого автором художественной прозы в языковой знак значения к лингвистическому инварианту в сознании переводчика образуется своеобразный **коридор понимания** <...> Внутри коридора понимания можно выделить три уровня:

– *непонимание*, когда после прочтения текстового элемента не происходит никаких ассоциаций с предметами или явлениями реальной действительности. (К данной группе можно отнести и неправильное понимание, так как в сознании переводчика тоже отсутствуют верные ассоциации);

– *частичное понимание*, при котором воспринимается большая часть характерных черт заложенного автором в текстовый элемент значения, но появляется чувство внутреннего неудовлетворения и потребность в дальнейшем запросе информации для окончательного прояснения значения;

– *полное понимание*, когда в сознании переводчика после восприятия текстового элемента сразу возникает чёткое видение отрезка объективной реальности» [Новикова, 2012: 183–184].

Соотнося «рассудочный регистр» М.Г. Новиковой с нашим методологическим стандартом переводческой рефлексии, полагаем, что исходное «непонимание» и «частичное понимание» преодолеваются с помощью процедуры «предпонимания», т.е. «предпереводческого анализа». А что касается полного «понимания», то эта стадия рефлексии соотносится нами с личностью конкретного переводчика, работающего с данным оригиналом. В противном случае *плюральность переводов* одного и того же текста была бы излишней, нерелевантной.

Полагаем, что точка зрения на «полное понимание» ИТ переводчиком базируется на классической философской традиции, согласно которой «текст трактовался как наделённый автохтонной семантикой, гарантированной внетекстовым референтом». Такой текст Р. Барт образно называл «Текст-Удовольствие», дешифровка которого читателем ведёт в перспективе к его исчерпывающему

«финальному пониманию». Такому тексту учёный противопоставлял «Текст-Наслаждение», трактуемый как «вместилище множества смыслов и не подлежащий поэтому однозначно исчерпывающей интерпретации» [см.: Новейший философский словарь. Постмодернизм, 2007: 648–650].

Переводческая дилемма собственно заключается в том, что конкретный переводчик может работать только с «Текстом-Удовольствием» как финальной структурой, которой переводчик овладевает, по его мнению, в полном смысловом, понятийно-концептуальном объёме. А другой переводчик воспринимает ИТ как «Текст-Наслаждение», обнаруживая в нем иные смыслы, иной референтный ряд мыслительных сущностей, и в конечном счёте превращает его в свой идеальный «Текст-Удовольствие».

Нелишним будет также упомянуть по этому поводу рассуждения Гадамера, который считал, что «тот кто переводит <...> не может оставить в своём переводе ничего такого, что не было бы совершенно ясным ему самому» [Гадамер, 1988: 449].

В герменевтической трактовке проблема выглядит следующим образом: «герменевтический круг» ИТ — «Текста-Наслаждения» диалектически трансформируется в «герменевтическую спираль» с тем, чтобы в новом качестве опять приобрести форму нового «герменевтического круга» истолкования.

Понимание причин «переводческого напряжения», возникающего из-за системно-структурной, функционально-стилистической и кросс-культурной асимметрии ИЯ и ПЯ, позволяет путём дальнейшего переосмысления объективных трудностей изыскивать адекватные герменевтические способы и средства его преодоления⁴.

В специальной литературе накопился достаточно большой объём материалов конкретных психолингвистических, этнопсихолингвистических, коммуникативно-когнитивных, лингвокультурологических и тому подобных работ, представляющих собой разновидности трансдисциплинарных прагмалингвистических исследований, касающихся как общих, так и частных вопросов художественного, технического и философского перевода (по классификации Ладмираля [Ladmiral, 1981: 23]). В них, в частности, детально рассматриваются последовательность мыслительных операций, обеспечивающих переход от текста оригинала к тексту перевода. При этом как подчёркивает Л.В. Кушнина, «Восприятие и понимание текста

⁴ Изложение оригинальной философско-герменевтической трактовки процесса понимания и истолкования текста, предложенной В.Г. Кузнецовым [Кузнецов, 2007: 427–430] и соответствующий комментарий даны в нашей статье «Герменевтический поворот в современной теории и методологии перевода» [Мишуров, 2013: 77–78].

являются начальным этапом в этом процессе. Они определяют характер промежуточного звена, отражающего результат понимания» [Кушникова, 2004: 93].

4.1. На примере переводов некоторых фрагментов из произведений Ф.М. Достоевского (1821–1881) на английский и испанский языки попытаемся абрисно показать предлагаемый нами алгоритм работы переводчика на основе ГПМС на уровнях «предпонимания» и «понимания», обеспечивающих квалифицированный анализ отражения и влияния личности автора ИТ на фабулу, когнитивно-художественную «нагрузку» и идиостиль искомого произведения. Речь, в частности, пойдёт о способах передачи значений высокочастотной частицы *как бы* в вышеуказанных языках.

Известно, что человек, владеющий иностранными языками, обычно способен точнее, лучше, глубже, тоньше и изящнее выражать свои мысли на родном языке.

Что касается художников слова, то их «личный речевой портрет», образ мысли, «авторское я» так или иначе находят своё отражение в их творениях.

Вопреки концепции Барта о «смерти автора» в классическом литературоведении и в теории и практике перевода учёт личности творца – нетленная аксиома. Как писал В.В. Виноградов, «в “образе автора”, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразие синтаксического движения» [Виноградов, 1971: 113, 160 и др.]. Пафос филологов поддерживается и рядом отечественных философов. Так, В.Г. Кузнецов справедливо подчёркивает важность учёта внелингвистических аспектов истолкования смыслов текста: «Субъективные намерения автора, его психологические характеристики и его внутренний мир, зависящий от образования, увлечений, религиозности, воспитания, принадлежности к определённому классу или сословию, системы архетипов коллективных бессознательных представлений, материальных условий его жизни, составляют тот фон, который оказывает существенное влияние на смысл текста. Он является внелингвистическим контекстом, в котором, в частности, и выделяются указанные моменты» [Кузнецов, 2007: 111].

Важность подобного анализа тем более необходима, когда речь идёт о противоречивой и неординарной фигуре Ф.М. Достоевского – великого писателя, философа и публициста с мировым

именем, с одной стороны, и о его особом психотипе невротика, весьма эксцентрического по своему «жизнейскому укладу».

Для историков перевода немаловажен следующий штрих в биографии писателя. Будучи глубоко эрудированным полиглотом, Достоевский в начале своей творческой карьеры пробовал свои силы и на переводческом поприще.

В 1844 г. в его переводе с французского языка на русский вышел роман Оноре де Бальзака «Евгения Гранде», который после смерти переводчика переиздавался шесть раз. Последняя версия была опубликована в 2007 году с дополнительным тиражом в 2008-м [см.: Бальзак, 2007, 2008].

Как переводчик, чувявший в себе большой писательский дар, Достоевский довольно свободно и своенравно трактовал по-русски франкоязычный авторский текст. Цитируя по этому поводу анализ перевода, выполненный в своё время Г.Н. Поспеловым, Е.А. Иванчикова пишет: «Тщательный анализ текста перевода привёл автора к заключению, что Достоевский в процессе перевода видоизменял оригинал по своему вкусу: сквозь стиль переводимого автора легко обнаруживаются собственные приёмы «переводчика». Для перевода Достоевского характерны, например, расширение текста оригинала путём вставки добавочных эмоционально-оценочных состояний героев, употребление отсутствовавших в оригинале тавтологий, усилительных оборотов, инверсий и т.п. Достоевский, по словам исследователя, не столько учился «творческим тайнам» у Бальзака, сколько «снабжал ими оригинал» [Иванчикова, 1979: 14].

Но очевидно, что Достоевский, переключившись на собственно писательский труд, не успел стать переводчиком «по-набоковски», как бы сказали специалисты в настоящее время.

Широко известно, как тяжёл был земной путь Достоевского.

Это человек, побывавший до последней минуты приговора под «смертным колпаком» расстрела. Четырёхлетний узник «Мёртвого дома» на каторге в Омской крепости. Многолетняя ссылка и поселение в Семипалатинске. Бесконечный надзор жандармерии. Неудачный первый брак. Отвратительные корыстолюбивые родственники, пользовавшиеся его финансовой непрактичностью. Вечные долги. Страшная болезнь – височная эпилепсия, после которой наступала «аура». Страстный игрок в рулетку, проигрывавший вещи, деньги и драгоценности своей 22-летней любовницы А. Сусловой и своей любимой второй жены А.Г. Достоевской (урождённая Сниткина (1846–1918)) – его ангела-хранителя. При этом по характеру болезненно самолюбив и обидчив. Крайне набожен...

Все пережитое, замысловатые перипетии его жизни и особенности его характера нашли своё тончайшее отражение в гениаль-

ных произведениях писателя, трудно поддающихся переводу на любой иностранный язык.

Н.Д. Арутюнова, подытоживая свидетельства очевидцев и исследователей творчества Достоевского в своей монографии «Язык и мир человека» пишет: «Приёмы моделирования человеческой личности были, по-видимому, совершенно органичны для Достоевского, сливались с его собственной природой, точно так же, как они сливались с языком, в нем говорившим». И далее: «Итак, в текстах Достоевского стилиобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета».

Обращаясь непосредственно к задачам нашего исследования — о реализации функций частицы *как бы* в произведениях Достоевского и, в частности, в его романе «Братья Карамазовы», напомним некоторые тезисы работы Е.А. Иванчиковой.

Она, характеризуя синтаксические особенности произведений Достоевского в интересующем нас аспекте, квалифицировала ряд примеров сочетания интерпозиционной частицы *как бы* с определёнными номинативными словами в качестве одного из вариантов «фразового синтаксиса», который, по её определению, является... непосредственным и универсальным способом *самовыражения писателя* (курсив наш. — Э.М.) и «фразовой специфичностью почерка Достоевского», ср.: «Она *больная* такая девочка *была*, — продолжил он [Раскольников], *как бы* опять вдруг задумываясь и потупившись, — совсем хвораая»; «По правую руку Мити [Карамазова] расположился один румяный молодой человек в каком-то охотничьем *как бы* пиджаке»; и др. [Иванчикова, 1979: 252–269].

Возвращаясь к монографии Арутюновой, заметим, что она выяснила важное обстоятельство: «одним из первых писателей, в текстах которого употребление *как бы* высоко частотно и функционально нагружено был именно Достоевский». Данная частица осуществляет скорее операцию над смыслом последующего слова, чем над истинностным значением предложения, напр.: «*Многое ещё он говорил, потому что несколько как бы тщеславен — ...в общем виде Петра Петровича поражало нечто как бы оправдывающее название “жениха”*». Об этом же свидетельствует употребление *как бы* в сочетании с оборотом *так сказать*: «*Человек раздражительный и, как бы так сказать, военноэстетический, но дурного только вкуса; А не заметили ли вы в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей, или особенного оборота мыслей, или некоторого, говорю, как бы, так сказать, помешательства?*» [Арутюнова, 1999: 838].

Автор установила, что в романе «Братья Карамазовы» Достоевский использовал частицу *как бы* 155 раз.

Нюансировка функций соответствующих стилеобразующих фразеологических словосочетаний с частицей *как бы*, «акцентирующими взгляд “извне” на предмет действительности» детализируется Арутюновой следующим образом:

– “неопределённость признака”, “субъективность впечатления”, “кажимость”: «Ум его как бы померкал мгновениями»; «Какая-то как бы идея воцарилась в уме»; «Я застал его как бы пьяным»;

– “недостоверность сравнения”: «Как, вы здесь? – начал он... таким тоном, как бы век был знаком»;

– “неуверенность интерпретации”: «С тех пор Алёша заметил, что Иван... даже как бы невзлюбил его»;

– “приблизительность”: «Я вас, так сказать, лично рекомендую, следственно, за вас как бы тем ручаюсь»;

– “необычный, особый характер признака”: «Был он [Дмитрий Карамзов] мускулист, и в нём можно было угадывать значительную физическую силу, тем не менее в лице его выразалось как бы нечто болезненное».

Итак, заключает Арутюнова, «*как бы* ориентировано на размытые понятия. Неудивительно поэтому, что высказывания с *как бы* тяготеют к миру человека – его чувствам и внутренним состояниям, поведению, непосредственным реакциям – внешним и внутренним, адресованным и неадресованным действиям, интерперсональным отношениям и т.п. В текстах Достоевского *как бы* используется почти исключительно в описании микромира» [Арутюнова, 1999: 837–838, 851, 854].

4.2. Инвентарь англоязычных аналогов русскоязычной частицы *как бы* и перечень дискурсивных способов её функционирования словарно представлены, как правило, во взаимозаимствованных примерах следующими единицами: *as if, as though* (e.g.: *as if in jest* “как бы в шутку”) [Оксфордский русско-английский словарь, 1998: 269].

В «Русско-английском словаре» соответствующая статья дополняется оборотом *a kind of*: *It was a kind of replay* “Это было как бы ответом” [1964: 284].

В «Новом большом русско-английском словаре» добавляется свежая трактовка функции *как бы*: «своего рода, отражает также неуверенность говорящего»: *sort of* “Я как бы свободен сегодня – I’m sort of free today” [Ермолович, Красавина, 2006: 317].

А.В. Кунин в своём «Англо-русском фразеологическом словаре» приводит яркий образец художественного перевода отрывка из романа J. Conrad “Chance” с *as though*: «He had given me the impression of absolute rigidity, *as though* he had swallowed a poker “Он показался

мне человеком, который держится неестественно прямо, *словно* аршин проглотил» [1956: 53].

Для полноты когнитивно-коммуникационной картины феномена истолкуем вышеприведённые примеры в теоретико-переводческом плане. Так, А.Г. Минченков следующим образом характеризует свойства искомых единиц: «В современном английском языке частицы *kind of* и *sort of* являются практически функциональными эквивалентами. Они обе относятся обычно либо к прилагательному (причастию), либо к глаголу, выполняют одинаковую функцию **указания на приблизительность оценки** <...> Одним из основных средств выражения приблизительности оценки в русском языке является частица *как бы*; соответственно, она достаточно часто, хотя и не всегда, может выступать в качестве эквивалента названных английских частиц. Существуют контексты, в которых использование *как бы* противоречит принципу естественности, и здесь предпочтение может быть отдано другим средствам, в частности, выражению *в общем* и наречию *достаточно*: I think that to many people he kind of personifies the whole profession... «Я думаю, что для многих людей он как бы олицетворяет собой всю профессию...»; There was another chap there, sort of running the place, called Josh. «Там был ещё один парень, как бы владелец всего заведения, по имени Джош»; You know Bunny? – Sort of. Do you? – Sure... «Ты знаешь Банни?» – «В общем / как бы да. А ты?» – «Разумеется»; What do you think of it, Morris? – I kind of liked it. «Что ты думаешь о ней, Моррис?» – «Она мне в общем понравилась» [Минченков, 2004: 1].

Корпусная выборка даёт возможность отследить искомые переводческие решения на предельно возможных объёмах примеров. Так, в частности, читаем: *As If* и *As Though* имеют одно и то же значение, и переводятся как «как будто», «как если бы». She talks as if / as though she knows him personally. «Она говорит так, как будто она знает его лично». Чтобы показать, что сравнение, описываемое *As If* и *As Though* нереально, после *As If* или *As Though* используется время группы *past simple*: She looks as if / as though she was rich. «Она выглядит так, будто она богата».

В разговорном языке вместо *As If* и *As Though* может использоваться *Like*. Такое особенно характерно для американского английского. It looks like it is going to rain = It looks as if / as though it is going to rain. «Похоже, что пойдёт дождь».

Аналогичным образом на многочисленных примерах анализируются конструкции “sort of”, “in a sort of”, “kind of” и т.п.:

– His mind was a sort of salmagundi. «У него в голове был полный ералаш»; Poetry is a sort of divine madness. «Поэзия – это разновидность божественного безумия»;

– I have a job in a sort of gambling hall. «Я решил поработать в одном игорном заведении»; All of the bodies were discovered in a sort of public, the first on a dead-end street, the second in a desolate alley, and this is the last one – in a field. «Все трупы были обнаружены в своего рода местах публичных: первый – в тупике улицы, второй – в безлюдном переулке и последний – в поле»;

– I think he kind of misses you. «Я думаю, что он вроде скучает по тебе»; Guess that was kind of harsh. «О, кажется, это было немного грубовато» [Reverso context, 2017].

4.3. Обратимся к анализу функциональных эквивалентов *как бы* в англоязычных и испаноязычных переводах.

И.С. Еремина, рассматривая проблему одновременных переводов частицы *как бы* с русского языка на английский на базе художественных произведений Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.А. Булгакова и др., пришла с лингвистической точки зрения к выводу, который может быть применим ко множеству других видов и способов перевода подобных элементов в произведениях иных мастеров художественного слова: «Анализ показал, что описываемое нами словосочетание *как бы может переводиться на английский язык несколькими способами и не переводится совсем* (курсив наш. – Э.М.)». Скрупулёзно исследовав соответствующие тексты, автор обнаружила следующие искомые конструкции для перевода *как бы*: *as though, as it were, how, as if, to fear, to be afraid, to seem somewhat, sort of* и «другие слова и словосочетания, которые формируют отдельные группы в силу немногочисленных примеров». Диссертантка, в частности, установила путём ручной выборки, что «наиболее распространённым эквивалентом в художественной литературе является союз образа действия *as though*, который в английском языке используется для присоединения придаточного предложения, выражающего нереальное сравнение. Он же используется для перевода следующих русскоязычных конструкций: *как бы + деепричастие; как бы + предлог + существительное; как бы + причастие; как бы + наречие; как бы + предлог + местоимение; как бы + существительное; как бы + устойчивое выражение*» [Еремина, 2005: 4–6]⁵.

⁵ Адекватные примеры употребления рассматриваемых частиц/союзов в разностилевых контекстах читатель найдёт в вышеприведённых нами корпусных вариантах перевода.

В свою очередь дополним лингвоконцептуальную трактовку И.С. Ереминой переводов текстовых фрагментов с частицей *как бы* собственным трансдисциплинарным анализом спорного предложения на английский язык нескольких отрывков из романа Достоевского «Братья Карамазовы» (The Brothers Karamazov): ч. I, кн. I «История одной семейки», «I. Федор Павлович Карамазов», поскольку оно, на наш взгляд, искажает авторское миропонимание описываемых феноменов.

На с. 12 оригинала читаем: «Молодой человек был поражён, заподозрил неправду, обман, почти вышел из себя, и как бы потерял ум». Перевод: “The young man was overwhelmed, suspected deceit and cheating, and was almost beside himself”. В обратном переводе на русский получаем следующий контекст: «Молодой человек был поражён, заподозрил обман и жульничество, почти вышел из себя». Стилистическое усиление «обман/жульничество» вместо нейтральной лексики «неправда» вполне допустимо. Не переведено «как бы потерял ум» (типа *as though lost his senses*). Это явное упущение переводчика, так, как опущенный фрагмент оригинала объясняет дальнейшие «безумное поведение» Мити, обокраденного отцом и оболганного лжесвидетельством отринутой женщины. Налицо неоправданная издержка перевода – опущение, приведшее к потере важного смыслового нюанса в рамках целостного, когерентного восприятия текста романа.

Контекстно точно и с полным смыслоподобием оригиналу переводчику удалось перевыразить следующий интересующий нас фрагмент текста: «В детстве и юности он был мало экспансивен и даже лично разговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от какой-то как бы внутренней заботы, собственноличной, до других не касавшейся, но столь для него важной, что он из-за неё как бы забывал других» (с. 18). Ср.: “In his childhood and youth he was by means expansive, and talked little indeed, bit not from shyness or a sullen unsociability; quite the contrary, from something different, *from sort of inner preoccupation* entirely personal and unconcerned with other people, but so important to him *he seemed, as it were* (курсив наш. – Э.М.), to forget others on account of it” (с. 19).

В следующем фрагменте текста – «К слову о Федоре Павловиче <...> Безобразничать с женским полом любил не то что по-прежнему, а даже как бы и отвратительнее» (“Fyodor Pavlovitch, by the way <...> His depravity with *women* (курсив наш. – Э.М.) was not simply what it used to be, but even more revolting” (с. 21)), а также в других местах романа, говоря о “дамском поле”, Достоевский

этими концепто-матрицами страдальческо-иронически выражает своё отношение к этой природно притягательной части «прекрасной половины человечества», принёсшая лично ему не мало жизненных передряг и страданий. Поэтому нейтральное “women” в переводе нарушает ансамблевую стилистику творения писателя. Предпочтительнее было бы употребления выражения “the fair sex”. А конструкцию «а даже как бы и отвратительнее» точнее было бы перевыразить как “but as if it was even more revolting”, что звучит тяжелее, но намного ближе к оригиналу.

Удачные и неудачные примеры, по нашим наблюдениям, можно множить до бесконечности. Фраза «Приезд Алёши как бы подействовал на него даже с нравственной стороны, как бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его» (с. 21) адекватно звучит в искомом варианте переводчика. “Alyosha’s arrival seemed to affect even his moral side, as though something had awakened in this prematurely old man which had long been dead in his soul”.

Безликим, до предела «доместифицированным» предстаёт перевод следующего фрагмента: «*Старец* Варсонофий действительно казался иногда как бы юродивым, но много рассказывал и глупостей. Палкой же никогда и никого не бивал, — ответил монашек. — Теперь, господа минутку повремените, я о вас повещу» (с. 35), ср.: “*The elder Varsonofy did sometime rather strange, but a great deal that’s told is foolishness. He never thrashed any one, answered the monk. Now, gentlemen, if you will wait a minute I will announce you*”. Замена в переводе «как бы юродивый» на безликое “rather strange” — яркий пример «доместикации перевода», теряющий важный аспект личности Достоевского — его набожности и соответственно адекватного восприятия феномена религиозного «юродства». К тому же для русского читателя очевидно, что «старец» в тексте — это не «elder — старик», а точнее в английском было бы “monastic elder” в сочетании с he kind of God’s fool / holy fool [Ермолович, Красавина, 2006: 899].

Что касается перевода романа «Братья Карамазовы» на испанский язык (Los hermanos Karamázov), то профессор Гранадского университета Э.Ф. Керо Хервилья, исследовав три варианта его одновременных переложений в 1961–1999 гг., выявил инвентарь адекватных единиц для перевыражения русскоязычной частицы *как бы*, к числу которых, в частности, относятся al parecer, en cierto modo, de alguna forma, como si.

Добавив функционально-стилистическую интерпретацию в духе вышеизложенной концепции Н.Д. Арутюновой, учёный констатирует: «Мы можем определить частицу *как бы* как оператора при-

близительности, который автор использует для отображения субъективного отношения к описываемым событиям <...> Поэтому в произведении она преобладает в сценических указаниях, например: Он *как бы* дрожал // Parecía como si temblara и Он дрожал // Él temblaba. Используя эту частицу, автор показывает, что его чувства – это результат интерпретации им действительности <...> Многоразовое употребление Достоевским этой частицы заставляет переводчиков прибегнуть к разным способам перевода». Однако, подчёркивает он, «в большинстве случаев они предпочитают опустить частицу *как бы*. С другой стороны – в своих переводах Августо Видаль и Рафаэль Кансинос Ассенс проявляют общую тенденцию передавать содержание частицы *как бы*, хотя и не всегда. В большинстве случаев трудно определить причины, по которым переводчики оставляют или пропускают *как бы* при переводе».

Кроме того, отмечает учёный, «*как бы* может применяться также и к внешним признакам, тогда эта частица соединяется с признаком (физическим явлением) и его последующей трактовкой: Но, вдруг он как бы сдержал себя. Он стоял и *как бы* что-то обдумывал (т. 7, с. 102) // Pero se contuvo, parecía meditar (R. Ledesma Miranda, с. 637) // De pronto pareció que se dominaba. Estaba parado y como si meditara algo (Augusto Vidal, с. 879) // Pero de pronto pareció dominarse. Estaba parado y recapacitaba (Rafael Cansinos Assens, с. 467)».

Нам импонирует точка зрения учёного, который акцентирует внимание на важности реализации частицы *как бы* для корректного восприятия авторского текста. При этом, подчёркивает учёный, «не следует забывать о том, что в картине мира русского языка существует ярко выраженная тенденция к безличному и неопределённости». И тем не менее, «читателю не следует забывать, читая такое произведение, что текст его оригинала написан на языке, который по многим параметрам значительно отличается от его родного языка».

Вместе с тем, он справедливо подчёркивает, что «существование этой тенденции в картине мира русского языка не может быть оправданной причиной для того, чтобы под предлогом соответствия переводчик опускал перевод частицы *как бы* в тексте, ибо её отсутствие не способствует тому, чтобы «читатель мог почувствовать объёмность текста» [Керо Хервилья, 2012: 237–239, 241–242].

* * *

Итак! Пафос нашего исследования заключается в разработке оптимального четырёхступенчатого методологического стандарта переводческих процедур, репрезентирующего аналитическую рас-

членённость взаимосвязанных стадий «предпонимания», «понимания», «интерпретации» и «переводческого решения», отражающих суть профессионального отличия межъязыкового переводческого посредничества от одноязычной трактовки некоего текста исключительно с позиций его интерпретативно-истолковывающего понимания философом или иным гуманитарием. Приведены развёрнутые дефиниции и дескрипции методологических процедур перевода – «предпонимание» и «понимание» как двух инициальных стадий текстоосмысления оригинала в трансдисциплинарном плане, подготавливающих герменевтико-феноменологическую редукцию ИТ на базисных уровнях «интерпретации» и «переводческого решения», которые завершают продуктивную часть работы переводчика по порождению итогового текста на ПЯ, отчуждаемого реципиенту.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Интерпретация и перевод – современные проблемы эпистемологии / Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. С. 112–121.
- Autonomova, N.S.* Interpretacija i perevod – sovremennye problemy jepistemologii [Interpretation and translation – modern problems of an epistemologija]. Filosofija poznaniija. K jubileju L.A. Mikeshinaj: sb. st. Moscow: ROSSPJEN, 2010, pp. 112–121 (in Russian).
- Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.
- Autonomova, N.S.* Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka [Knowledge and translation. Experiences of philosophy of language]. Moscow: ROSSPJEN, 2008. 704 p. (in Russian).
- Айрапетян В.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 672 с.
- Ajrapetjan, V.* Tolkuja slovo: Opyt germenevтики po-russki [Interpreting a word: Experience of hermeneutics in Russian]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011. 672 p. (in Russian).
- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 352 с.
- Alekseeva, I.S.* Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to theory of translation]. Moscow: Izdat. Centr «Akademija», 2004. 352 p. (in Russian).
- Алексеева И.С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008. 184 с.
- Alekseeva I.S.* Tekst i perevod. Voprosy teorii [Text and translation. Theory questions]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 2008. 184 p. (in Russian).
- Англо-русский фразеологический словарь / сост. А.В. Кунин, 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1956. 1455 с.

- Anglo-russkij frazeologičeskij slovar' [English-Russian phraseological dictionary], sost. A.V. Kunin, 2-e izd. Moscow: Gos. izd-vo inostran. i nac. slovar'ej, 1956. 1455 p. (in Russian).
- Аранов А.В.* Две парадигмы в протестантской библейской герменевтике. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_10746.html (25.03.17). 5 с.
- Arapov A.V.* Dve paradigmy v protestantskoj biblejskoj germenevtike [Two paradigms in Protestant Bible hermeneutics], available at: http://e-notabene.ru/fr/article_10746.html (25.03.17). 5 p. (in Russian)
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Arutjunova, N.D.* Jazyk i mir cheloveka [Language and world of the person]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 895 p. (in Russian).
- Бальзак О. де.* Евгения Гранде: Роман / Пер. с фр. Ф.М. Достоевского. СПб.: Азбука-классика, 2007 [доп. тираж 2008]. 272 с.
- Bal'zak, O. de.* Evgenija Grande: Roman [Evgenia Grandee: Novel]. Per. s fr. F.M. Dostoevskogo. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2007 [dop. tirazh 2008]. 272 p. (in Russian).
- Бузык Л.Г.* Определение характеристик методологического стандарта: герменевтика перевода текста. URL: <http://scipress.ru/philology/article/opredelenie-karakteristik-metodiche> (20.07.2017). 6 с.
- Buzuk, L.G.* Opredelenie harakteristik metodologičeskogo standarta: germenevtika perevoda teksta [Definition of characteristics of the methodological standard: translation hermeneutics of the text], available at: <http://scipress.ru/philology/article/opredelenie-karakteristik-metodiche> (July 20. 2017). 6 p. (in Russian).
- Борев Ю.* Эстетика: Учебник. М.: Высш. шк. 2002. 511 с.
- Vorev, Ju.* Jestetika: Uchebnik [Esthetics: Textbook]. Moscow: Vyssh. shk. 2002. 511 p. (in Russian).
- Брандес М.П., Проваторов В.И.* Предпереводческий анализ текста. М.: НВИ-Тезаурус, 3-е изд. стереотипное, М., 2003. 224 с.
- Brandes, M.P., Provatorov, V.I.* Predperevodčeskij analiz teksta [Pre-translation text analysis]. Moscow: NVI-Tezaurus, 3-e izd. stereotipnoe, Moscow, 2003. 224 p. (in Russian).
- Будагов Р.А.* А.А. Потебня как языковед-мыслитель // ВЯ. М.: Наука, 1986. С. 3–15.
- Budagov, R.A.* A.A. Potebnja kak jazykoved-myslitel' [Potebnya as linguist-thinker]. VJa. Moscow: Nauka, 1986, pp. 3–15 (in Russian).
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: «Высшая школа», 1971. 245 с.
- Vinogradov, V.V.* O teorii hudozhestvennoj rechi [About the theory of artistic speech]. Moscow: «Vysshaja shkola», 1971. 245 p. (in Russian).
- Гавриленко Н.Н.* Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25725081_55476205.PDF (24.09.2017). 135 с.

- Gavrilenko, N.N.* Teorija i metodika obuchenija perevodu v sfere professional'noj komunikacii [The theory and methods of translation teaching in the sphere of professional communication], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25725081_55476205.PDF (September 24. 2017). 135 p. (in Russian).
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Gadamer, H.-G.* Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (in Russian).
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы / Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XIV. Книги I–X. Ленинград: изд-во НАУКА (ЛО), 1976. 511 с. (перевод на англ. Project Gutenberg TEI edition I. The Brothers Karamazov [Электронный ресурс]. URL: <https://litelka.ru/library/read/72/40919> с.)
- Dostoevskij, F.M.* Brat'ja Karamazovy [The Brothers Karamazov]. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah. Tom XIV. Knigi I–X. Leningrad: izd-vo NAUKA (LO), 1976. 511 p. (perevod na angl. Project Gutenberg TEI edition I. The Brothers Karamazov, available at: <https://litelka.ru/library/read/72/40919> p.) (in Russian).
- Еремина И.С.* Установление английских эквивалентов русского как бы (Экспериментально-сопоставительное исследование на материале английского и русских языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятитгорск, 2005. 20 с.
- Eremina, I.S.* Ustanovlenie anglijskih jekvivalentov russkogo kak by (Jeksperimental'no-sopostavitel'noe issledovanie na materiale anglijskogo i russkikh jazykov) [Identify of the English equivalent of Russian kind of (An experimental and comparative research on material of English and Russians)]. Extended abstract of candidat's thesis filol. Pjatigorsk, 2005. 20 p. (in Russian).
- Ермолович Д.И., Красавина Т.М.* Новый большой русско-английский словарь / Под общим руководством Д.И. Ермоловича, 2-е изд. М.: Русский язык – Медиа, 2006. 1098 с.
- Ermolovich, D.I., Krasavina, T.M.* Novyj bol'shoj russko-anglijskij slovar' [New big Russian-English dictionary]. Pod obshhim rukovodstvom D.I. Ermolovicha, 2-e izd. Moscow: Russkij jazyk – Media, 2006. 1098 p. (in Russian).
- Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
- Zimnjaja, I.A.* Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti [Lingvo-psychology of speech activity]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO "MODJEK", 2001. 432 p. (in Russian).
- Иванов. Н.В.* Дихотомии перевода (к отологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 4. С. 34–64.
- Ivanov, N.V.* Dihotomii perevoda (k ontologicheskim osnovanijam opredelenija nauchnogo objekta perevodovedenija) [Translation dichotomies (to the on-

- tologic bases of definition of a scientific object of theory of translation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2015. No. 4, pp. 34–64 (in Russian).
- Иванчикова Е.А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: изд-во Наука, 1979. 286 с.
- Ivanchikova, E.A.* Sintaksis hudozhestvennoj prozy Dostoevskogo [Syntax of art prose of Dostoyevsky]. Moscow: izd-vo Nauka, 1979. 286 p. (in Russian).
- Керо Хервилья Э.Ф.* Анализ частицы как бы в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», и её перевод на испанский. Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III Международной научно-практической конференции (Греция), 2012. С. 237–242.
- Kero Hervil'ja, Je.F.* (*Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda*) [Russian language and culture in translation]. Proceedings of the Conference. (Grecija), 2012, pp. 237–242 (in Russian).
- Крапивкина О.А., Болдырев А.В.* Предпереводческий анализ текста как условие адекватного перевода. [Электронный ресурс]. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1412768560> (21.01.2017). 9 с.
- Krapivkina, O.A., Boldyrev, A.V.* Predperevodcheskij analiz teksta kak uslovie adekvatnogo perevoda [Source text analysis as condition of adequate translation], available at: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1412768560> (January 21.2017). 9 p. (in Russian).
- Кривонов А.Т.* Слово и мысль. Вопросы взаимодействия языка и мышления. URL: <https://www.litres.ru/a-krivonosov/slovo-i-mysl-voprosy-vzaimodeystviya-yazyka-i-myshleniya/chitat-onlayn/> 2017. 453 с.
- Krivonosov, A.T.* Slovo i mysl'. Voprosy vzaimodejstvija jazyka i myshlenija [Word and thought. Questions of interaction of language and thinking], available at: <https://www.litres.ru/a-krivonosov/slovo-i-mysl-voprosy-vzaimodeystviya-yazyka-i-myshleniya/chitat-onlayn/> 2017. 453 p. (in Russian).
- Кушниная Л.В.* Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход. Дис. ... док. филолог. наук. Пермь, 2004. 437 с.
- Kushnina, L.V.* Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur v perevodcheskom prostranstve: geshtal't-sinergeticheskij podhod [Interaction of languages and cultures in translation space: gestalt and synergetic approach]. Doctor's thesis filolog. Perm', 2004. 437 p. (in Russian).
- Кузнецов В.Г.* Герменевтический методологический стандарт. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 110–111.
- Kuznesov, V.G.* Germenevticheskij metodologicheskij standart [Hermeneutical methodological standard]. Slovar' filosofskih terminov. Moscow: INFRA-M, 2007, pp. 110–111 (in Russian).
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода: Пер. с исп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 224 с.
- L'vovskaja, Z.D.* Sovremennye problemy perevoda [Modern problems of the translation]: Per. s isp. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 224 p. (in Russian).

- Минченков А.Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб.: Антология, 2004. 96 с. URL: https://english_particles.academic.ru/22/sort_of
- Minchenkov, A.G. Anglijskie chasticy: funkcii i perevod [English particles: functions and translation] Saint-Petersburg: Antologija, 2004. 96 p., available at: https://english_particles.academic.ru/22/sort_of (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н. «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода (Ч I) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 77–90; № 2. С. 3–41.
- Mishkurov, E.N. «Germenevticheskij povorot» v sovremennoj teorii i metodologii perevoda [“Hermeneutical turn” in the modern theory and methodology of the translation] (Ch I). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2013. No. 1, pp. 77–90; No. 2, pp. 3–41 (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н. Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть I) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 2. С. 17–37.
- Mishkurov, E.N. Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti [*Hermeneutical methodological standard of translation in the mirror of transdisciplinarity*] (chast' I). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2015. No. 2, pp. 17–37. (in Russian).
- Найда Юджин А. К науке переводить / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 114–137.
- Najda, Judzhin A. K nauke perevodit' [Toward a Science of Translating]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: sb. statej*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1978, pp. 114–137 (in Russian).
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: «Прометей», 1989. 182 с.
- Nalimov, V.V. Spontannost' soznaniya [Spontaneity of consciousness]. Moscow: “Prometej”, 1989. 182 p. (in Russian).
- Новейший философский словарь. Постмодернизм [The latest philosophical dictionary. Postmodernism]. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
- Novejsij filosofskij slovar'. Postmodernizm. Minsk: Sovremennij literator, 2007. 816 p. (in Russian).
- Новикова М.Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 208 с.
- Novikova, M.G. Mera smysla, aktual'noe chlenenie i adekvatnost' perevoda: monografija [Sense measure, actual division and adequacy of the translation: monograph]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 208 p. (in Russian).
- Оксфордский русско-английский словарь / сост М. Уилер. М.: Изд-во «Престиж», «Баркалая и К^о», 1998. 913 с.
- Oksfordskij russko-anglijskij slovar' [Oxford Russian-English dictionary], sost M. Uiler. Moscow: Izd-vo “Prestizh”, “Barkalaja i K^o”, 1998. 913 p. (in Russian)
- Обсborn Грант Р. Герменевтическая спираль: Общее введение в библейское толкование. Одесса: ЕвроАзиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. 728 с.

- Osborne, Grant R.* Germeņevtičeskaja spiral': Obshhee vvedenie v biblejskoe tolkovanie [The Hermeneutical Spiral: A Comprehensive Introduction to Biblical Interpretation]. Odessa: EvroAziatskaja Akkreditacionnaja Asso-ciacija, 2009. 728 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. 654 с.
- Potebnja, A.A.* Iz zapisok po teorii slovesnosti [From notes according to the theory of literature]. Har'kov, 1905. 654 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Мысль и язык. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/03.php (07.09.2017). 15 с.
- Potebnja, A.A.* Mysl' i jazyk [Thought and language], available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/03.php (September 07.2017). 15 p. (in Russian).
- Русско-английский словарь / Под редакцией О.С. Ахмановой, 6-е изд. М.: Гос. изд-во. иностран. и нац. словарей, 1962. 951 с.
- Russko-anglijskij slovar' [Russian-English dictionary] / Pod redakciej O.S. Ah-manovoj, 6-e izd. Moscow: Gos. izd-vo. inostran. i nac. slovarej, 1962. 951 p. (in Russian).
- Самохина И.А.* Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук (Тверь), 2012. 167 с.
- Samohina, I.A.* Interpretacionnyj potencial kul'turno-istoričeskikh realij v raznyh vidah perevoda hudozhestvennogo teksta [Interpretative potential of cultural and historical realities in different types of the translation of the art text]. Extended abstract of candidate's thesis filol. (Tver'), 2012. 167 p. (in Russian).
- Сдобников В. В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. Дис. ... док. филолог. наук. Н. Новгород, 2015. 461 с.
- Sdobnikov, V.V.* Kommunikativnaja situacija kak osnova vybora strategii perevoda [Communicative situation as basis of the choice of strategy of the translation]. Doktor's thesis filolog. N. Novgorod 2015. 461 p. (in Russian).
- Современный философский словарь. М., Бишкек, Екатеринбург, 1996. 608 с.
- Sovremennyj filosofskij slovar' [Modern philosophical dictionary]. Moscow, Bishkek, Ekaterinburg, 1996. 608 p. (in Russian).
- Согибян К.О., Шахбазян А.А.* Интерпретация фэнтези как предпереводческая деятельность / слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах, материалы VIII Международной научной конференции: В 2 т. Челябинск: изд. Энциклопедия, 2016. С. 498–501.
- Sogikjan, K.O., Shahbazjan, A.A.* Interpretacija fjentezi kak predpervodčeskaja dejatel'nost' [Interpretation of a fantasy as pretranslation activity], *slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmatičeskom i kul'turologičeskom aspektah, materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2-h tomah.* Cheljabinsk: izd. Jenciklopedija, 2016, pp. 498–501. (in Russian).

- Теняно Ю.П.* Эстетическая концепция А.А. Потебни. Автореф. дис. ... канд. философ. наук (Киев), 1976. 18 с.
- Tenjan'ko, Ju.P.* Jesteticheskaĭa koncepcija A.A. Potebni [Esthetic concept of A.A. Potebnja]. Extended abstract of candidate's thesis filosof. (Kiev), 1976. 18 p. (in Russian).
- Тисельтон Э.* Герменевтика. Пер. с англ. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.
- Tisel'ton, Je.* Hermenevtika [Hermeneutics]. Per. s angl. Cherkassy: Kollokvium, 2011. 430 p. (in Russian).
- Топер П.* Перевод и литература: Творческая личность переводчика // Вопросы литературы, ноябрь-декабрь. М.: 1998. С. 178–199.
- Toper, P.* Perevod i literatura: Tvorcheskaĭa lichnost' perevodchika [Translation and literature: Creative person of the translator]. *Voprosy literatury, nojabr'-dekabr'*. Moscow: 1998, pp. 178–199 (in Russian).
- Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
- Filosofija. Jenciklopedičeskij slovar' [Philosophy. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki, 2006. 1072 p. (in Russian).
- Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
- Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: INFRA-M, 1997. 576 p. (in Russian)
- Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография. 3-е изд. стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 304 с.
- Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didaktičeskie aspekty [Training of the translator: communicative and didactic aspects]: koll. monografija. 3-e izd. ster. Moscow: FLINTA: Nauka, 2014. 304 p. (in Russian).
- Шульга Е.Н.* Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. URL: <https://iphras.ru/page48939378.htm> (16.09.2017). 92 с.
- Shul'ga, E.N.* Problematika predponimanija v hermenevtike, fenomenologii i sociologii [Preunderstanding perspective in hermeneutics, phenomenology and sociology], available at: <https://iphras.ru/page48939378.htm> (September 16. 2017). 92 p. (in Russian).
- Шульга Е.Н.* Проблема «герменевтического круга» и диалектика понимания / Герменевтика: история и современность: (Критич. очерки). М.: Мысль, 1985, С. 143–161.
- Shulga, E.N.* Problema «germenevtičeskogo kruga» i dialektika ponimanija. *Hermenevtika: istorija i sovremennost'* [Problem of “a hermeneutical circle” and dialectician understanding. Hermeneutics: history and present]: (Kritich. Oчерki). Moscow: Mysl', 1985, pp. 143–161 (in Russian).
- Широва И.А., Гончарова Е.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.
- Shhirova, I.A., Goncharova E.A.* Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretacija: Uchebnoe posobie [Multidimensionality of the text: understanding and interpretation: Education guidance]. Saint-Petersburg: ООО «Knizhnyj Dom», 2007. 472 p. (in Russian).

- Яркова Е.Н.* История и методология юридической науки. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 352 с.
- Jarkova, E.N.* Istorija i metodologija juridicheskoj nauki [History and methodology of jurisprudence]. Tjumen': Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. 352 p. (in Russian).
- Dilthey, W.* Selected Wrightings. London, 1976. 262 p.
- Nord, C.* Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. second edition. Amsterdam – New York: Rodopy, NY, 2005. 274 p.
- Ladmiral, J.-R.* Traduire Éléments de traduction philosophique. URL: http://www.persee.fr/doc/AsPDF/lfr_0023-8368_1981_num_51_1_5095.pdf (July 26. 2017), pp. 19–34.
- Ladmiral, J.-R.* De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie. Au cœur de la démarche traductive: débats entre concepts et sujets. – CIPA, Nadia D'Amelio, 2012, pp. 15–27.
- Hyun-Sook, Kim* The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00344080701657873?journalCode=urea20> (February 13.2017), p. 2.
- Cerrel, L., Stolze, R., Stanley, J.* Hermeneutics as a Research Paradigm. URL: https://www.academia.edu/18747193/Hermeneutics_as_a_Research_Paradigm (February 12. 2017), pp. 17–40.
- Reverso Context. URL: <http://context.reverso.net/> (October 17. 2017).
- Taraeva, E.* Cross-cultural interpretation as the strategy for pre-translation text analysis. E. Taraeva. *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences*. 2011. No. 4 (10), pp. 1473–1480.